

Касимов Руслан Харисович

Kasimov Ruslan Kharisovich

кандидат философских наук, доцент
Тюменского индустриального университетаPhD, Associate Professor,
Industrial University of Tyumen**ЦИВИЛИЗАЦИЯ:
ОТ ОРГАНИЗМА К КОНСТРУКТУ****CIVILIZATION:
FROM ORGANISM TO CONSTRUCT****Аннотация:**

Популярные в современной отечественной историософии теории цивилизации уязвимы для критики в силу их субъективизма и нечетких критериев выявления локальных цивилизаций. Обнаружено, что большая часть подобных концептов выстроена в русле органицизма, благодаря чему концепты локальных цивилизаций детерминированы биологическими метафорами и географической средой. Предлагается рассмотрение феномена локальных цивилизаций как социального и культурного конструкта, что позволяет объяснить и преодолеть указанные концептуальные дефекты. Понимание локальных цивилизаций как «воображаемых сообществ» и «изобретений» позволяет не только описать локальные цивилизации как продукты культуры, но и включить в область рефлексии неосознанные предпосылки научного творчества авторов цивилизационных теорий. Таким образом, понятие «цивилизация» может стать полноценным элементом историософского и политического дискурса.

Ключевые слова:

локальная цивилизация, воображаемое сообщество, историософия, политика, органицизм, конструкционизм, изобретение, нация.

Summary:

The theories of civilization being popular among modern Russian historians and political scientists are often criticized for their subjectivity and the lack of clear criteria for identifying local civilizations. The majority of these ones are created in line with organicism. Therefore, the concepts of local civilizations are determined by the biological metaphors and geographical environment. It is argued that the phenomenon of local civilizations should be considered as a social and cultural construct. It allows one to explain and overcome these conceptual faults. Treating local civilizations as 'imagined communities' and 'inventions' makes it possible to describe local civilizations as cultural products and include the unconscious prerequisites of civilization theorists in the field of reflection. Thus, the concept of civilization could be a full-fledged component of historical, philosophical and political discourses.

Keywords:

local civilization, imagined community, historiography, politics, organicism, constructionism, invention, nation.

В современной российской историософии отмечается возрастающий интерес к феномену локальных цивилизаций. Построения Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, О. Шпенглера, А. Тойнби, Л.Н. Гумилева образовали своеобразный «цивилизационный дискурс», имеющий значительное влияние на интеллектуальный климат в отечественной политологии, социологии, культурологии и философии. Н.В. Мотрошилова отмечала, что исследование конкретных цивилизационных образований (т. е. локальных или региональных цивилизаций) характерно для научной литературы XX и XXI вв. Эта тема приобрела особую популярность в экономических и политических дискуссиях, «которые стали особенно острыми и интенсивными в контексте процессов глобализации и их осмысления» [1, с. 53].

Однако многими исследователями основания цивилизационного дискурса подвергаются сомнению. К примеру, этнолог и антрополог В.А. Шнирельман пишет, что категория «цивилизация» «уязвима для научной критики» [2, с. 133] в силу того, что в рамках этого дискурса не разработаны четкие критерии выделения отдельных цивилизаций, а существующие критерии «страдают от неограниченного субъективизма и произвола отдельных авторов» [3, с. 104–105]. Благодаря этому возникают накладывающиеся друг на друга ареалы «кавказской», «тюркской», «исламской», «циркумполярной», «булгаро-чувашской» и многих других цивилизаций [4, с. 93].

Такое положение имеет, по нашему мнению, следующие причины. Во-первых, тотальное господство *органицизма* в отечественном цивилизационном дискурсе. Локальные цивилизации чаще всего рассматриваются как некие единства, «сверхорганизмы», обладающие уникальной сущностью, но генетически связанные с природной средой. Поэтому нередко органицизм сочетается с географическим детерминизмом, в частности с модной ныне «геополитикой». К примеру, А.Ю. Евдокимов в книге «Биосфера и кризис цивилизации» рассматривает локальные цивилизации, используя язык биологии. В итоге исследователь приходит к идее «экологических факторов», имеющих решающее влияние на развитие цивилизаций. Указанные факторы подразделяются на «абиотические» (климат, почва, вода), «биотические» (фитогенные, зоогенные и микробиогенные) и «антропогенные» [5, с. 31].

Подобные воззрения, очевидно, являются развитием органицистской префигурации, характерной для социальных дисциплин XIX в. Представителем органицизма был Н.Я. Данилевский, культурно-исторические типы которого «произрастали» из родной почвы. «Славянский» культурно-исторический тип, согласно мыслителю, представляет собой «самобытный организм», который имеет «свое самостоятельное назначение», находит в себе «достаточное оправдание всем своим стремлениям и действиям» [6, с. 58]. Идеей «общественного организма» оперировал и К.Н. Леонтьев. В следующей цитате обнаруживается хороший пример сравнения общества и цивилизации с организмом: «Увлекаясь то какой-то холодной и обманчивой тенью скучного, презренного всемирного блага, то одними племенными односторонними чувствами, мы можем не исцелимо и преждевременно расстроить организм нашего царства, могучий, но все-таки же свободный, как и все на свете, к болезни и даже разложению, хотя бы и медленному» [7, с. 64]. Оба мыслителя являются «классиками» отечественной цивилизационистики.

Для органицистской префигурации характерно представление о биологической детерминированности «общественного организма», так же, как существование биологических видов предопределено их инстинктуальностью и средой. Органицизм телеологичен и часто (как вышеуказанные философы) развивается в рамках религиозного мировоззрения. Для органицизма свойственно понимать цивилизацию не столько как субъект, сколько как объект Провидения или фатальности природы и географии.

Конечно же, экология, география и религия играют значительную роль в развитии социокультурных систем, образуя их своеобразные «горизонты». Но соотношение этих горизонтов может быть рассмотрено и за рамками органицистского мировоззрения. Альтернативой последнему является социальный конструкционизм.

Еще в 1966 г. появилась книга П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания». Изложение своей позиции авторы начинают с экспликации особого положения человека среди других организмов. В отличие от других животных, человек не обладает ни специфичной для его вида окружающей средой, ни развитой инстинктивной организацией. Это не значит, что человек не связан с инстинктами и географической средой, – для человека характерно отсутствие *фиксации* на этих факторах. Если жизнь животных происходит в «закрытых мирах», то мир человека принципиально «открыт». П. Бергер и Т. Лукман отмечают, что, «хотя можно сказать, что у человека есть природа, гораздо важнее сказать, что человек *конструирует* свою собственную природу или, проще говоря, что человек создает самого себя» [8, с. 80–83].

С позиции социального конструкционизма поиск границ во внешней среде всегда *условен*, потому что социальный субъект сам их конструирует. Безусловно, эта позиция восходит к идее трансцендентального субъекта И. Канта. Также очевиден ее антипозитивистский посыл. Неопределенность цивилизационных границ и размытость критериев определения локальных цивилизаций являются результатом того, что каждый автор цивилизационной теории конструирует эти границы вновь и вновь.

Однако следует отметить, что П. Бергер и Т. Лукман не придерживались тезисов радикального конструкционизма, для которого характерна абсолютизация субъекта. Дабы избежать солипсизма, немецкие мыслители заявляют о «диалектике природы и общества». «Человеческая животность трансформируется в процессе социализации, но не отменяется последним». Органицизм становится предельной границей конструкционизма [9, с. 290–291].

В области цивилизационистики этот тезис можно проиллюстрировать тем, что конструирование цивилизаций проводится в определенных, обусловленных культурной и естественной средой пределах. Выделяют цивилизации «кочевую», «западноевропейскую» или «исламскую», но цивилизации «Тлен», «Укбар» и «Orbis Tertius» так и остаются художественным вымыслом.

Пример социального конструктивизма в области теории национализма дает известная работа Б. Андерсона «Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма». Автор утверждает, что национальная идентичность и национальные государства являются результатами не столько естественного развития, сколько действия коллективного воображения. Нация, согласно Б. Андерсону, «воображена», в силу того, что «члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих братьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности». В качестве других существенных свойств нации философ называет наличие границ («ограниченность») и суверенность [10, с. 30–31].

Б. Андерсон в качестве инструментов конструирования нации как пример называет три института, формирующие национальную идентичность. Это перепись населения, карта и музей. Если перепись населения до 1870 г. была лишь систематической квантификацией с целью учета подконтрольного населения, то позднее она становится инструментом «конструирования этно-расовых классификаций», которая стремится «тщательно пересчитать объекты своего воспаленного воображения». Карта позволила сконструировать границы национального пространства.

Карты современного европейского стиля, основываясь на «тотализирующей классификации», провоцировали их производителей и потребителей «к проведению политики, имевшей революционные последствия». Раскрашивание карты в национальные цвета превращали ее в «карту-логотип», который посредством внедрения «в массовое воображение формировал выразительный символ» национализмов. Музей же стал инструментом конструирования национальной памяти. «Музей и музейное воображение в глубине своей политичны». «Монументальная археология» приобретая все больше связей с туризмом, стала витриной государства, представляющего защитником «обобщенной, но в то же время местной Традиции». Древние священные места становятся частью карты, их престиж становится уделом картографов [11, с. 180–199].

В современной историософии конструкционизм сопрягается с идеей «изобретения». Э. Хобсбаум писал, что исторические и другие целостности, включенные, к примеру, в современное понятие «Франция» или «французы» и которые никто сегодня не стал бы отрицать, несут в себе элементы конструирования (constructed components) и изобретения (inventions). И поскольку современные «нации» состоят из таких конструктов и ассоциируются с соответствующими и недавно созданными символами (такими как «национальная история»), феномен нации не может быть адекватно рассмотрен без внимания к «изобретению традиций» [12, р. 14].

Очевидно, что подобная трактовка может быть экстраполирована и на «теорию локальных цивилизаций». В.А. Шнирельман полагал, что теория локальных цивилизаций является формой «национального проекта» [13, с. 96]. Локальные цивилизации также могут рассматриваться как «воображенные» сообщества. В таком случае становится очевидным, что произвольность проводимых авторами цивилизационных концепций границ является результатом того, что эти концепты сконструированы в пространстве воображения.

Проблемным моментом цивилизационного дискурса является факт того, что процесс конструирования концептов для многих авторов представляется неосознаваемым. Чаще всего подобная позиция принимает форму органицизма, в котором субъективные факторы репрезентируются как объективные, случайные – как необходимые, а сам феномен цивилизации заявляется как «объективный» и «органически» вырастающий из географии и истории. Органицистская парадигма, являясь порождением «классической науки», рассматривает историка и философа как «абсолютный субъект», находящийся за пределами исторического процесса. В этой парадигме субъект лишь наблюдает и объясняет законы истории. Конструкционистский подход позволяет обратное. Становится возможным выявить и рассмотреть, как говорят в археологии, «артефакты» – влияние субъекта на процесс исторического познания.

Однако на основании изложенного вышесказанное отнюдь не означает, что «воображаемый» – это «несуществующий». То, что нация «изобретена» и «воображаема», не ведет к абсурдному утверждению, что наций нет. Нации имеют зримую политическую репрезентацию в образе национальных государств. Цивилизация такой «официальной» репрезентации не имеет. Однако присутствие в политической и медийной сферах идей «китайского», «русского», «исламского» и «западного» «миров», уже указывает на существование, продолжая идею Б. Андерсона, цивилизационной картографии.

Цивилизационные пространства, сконструированные на основании идей Н.Я. Данилевского, евразийцев, О. Шпенглера, А. Тойнби, Х. Маккиндера, С. Хантингтона и других теоретиков цивилизационистики, можно обнаружить в учебниках «геополитики», политологии, культурологии, что говорит об их институционализации. Музеи цивилизаций еще не столь многочисленны, как национальные, но все же существуют. На сайте Европарламента представлен «Дом европейской истории», целью которого является «путешествие по дороге европейской истории и размышления о вызовах [очевидно, европейского] будущего» [14]. Примером статистики может выступить Евростат, определенно конструирующий «панъевропейскую» идентичность.

Евросоюз – живой пример конструирования новой сверхнациональной идентичности, пример обретающего политическое, экономическое и культурное измерения «воображаемого сообщества». Продукты социально-культурного конструирования имеют сегодня большую актуальность, что указывает на необходимость дальнейшего исследования этих, хотя бы и «воображаемых», феноменов.

Ссылки:

1. Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М., 2010. 480 с.
2. Шнирельман В.А. Цивилизационный подход как национальная идея // Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М., 2007. С. 82–105.
3. Там же. С. 104–105.
4. Там же. С. 94.
5. Евдокимов А.Ю. Биосфера и кризис цивилизации. М., 2008. 480 с.
6. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2008. 816 с.

7. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. М., 2010. С. 34–173.
8. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М., 1995. 323 с.
9. Там же. С. 290–291.
10. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. 288 с.
11. Там же. С. 180–199.
12. Hobsbawm E. Introduction: Inventing Traditions // *The Invention of Tradition* / ed. by E. Hobsbawm and T. Ranger. Cambridge (UK), 1983. P. 1–15.
13. Шнирельман В.А. Указ. соч. С. 96.
14. House of European History [Электронный ресурс] // European Parliament Visiting. 2018. URL: <http://www.europarl.europa.eu/visiting/en/brussels/house-of-european-history> (дата обращения: 10.09.2018).

References:

- Anderson, B 2001, *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, Moscow, pp. 180-199, (in Russian).
- Berger, P & Luckmann, T 1995, *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*, Moscow, pp. 290-291, (in Russian).
- Danilevsky, NYa 2008, *Russia and Europe*, Moscow, 816 p., (in Russian).
- Evdokimov, AYu 2008, *Biosphere and the Crisis of Civilization*, Moscow, 480 p., (in Russian).
- Hobsbawm, E 1983, 'Introduction: Inventing Traditions', in E Hobsbawm & T Ranger (eds.), *The Invention of Tradition*, Cambridge (UK), pp. 1-15.
- 'House of European History' 2018, *European Parliament Visiting*, viewed 10 September 2018, <<http://www.europarl.europa.eu/visiting/en/brussels/house-of-european-history>>.
- Leontiev, KN 2010, 'Byzantinism and Slavism', in KN Leontiev (ed.), *Slavyanofil'stvo i gryadushchiye sud'by Rossii*, Moscow, pp. 34-173, (in Russian).
- Motroshilova, NV 2010, *Civilization and Barbarism in the Era of Global Crises*, Moscow, 480 p., (in Russian).
- Shnirelman, VA 2007, 'Civilizational Approach as a National Idea', in VA Tishkov & VA Shnirelman (eds.), *Natsionalizm v mirovoy istorii*, Moscow, pp. 82-105, (in Russian).